

В. С. Магун

Динамика ресурсных стратегий молодежи

Динамика ресурсных стратегий выпускников школ в период радикальных изменений двух постсоветских стран — России и Украины — свидетельствует о том, что имеет место межпоколенческий прообразовательный сдвиг. Каждое следующее поколение молодых людей все больше перераспределяет свои и чужие ресурсы в пользу решения задач собственного профессионального образования. Данные тенденции связаны с тем, что постсоветский социально-экономический порядок оказался более меритократичным и в новых социально-экономических условиях 1990—2000-х гг. гораздо в большей степени, чем в условиях советского общества, стала вознаграждаться общая и профессиональная квалификация работника и его продуктивность.

Ключевые слова: образование, человеческий капитал, долговременные цели, универсальные ресурсы, «премия» за образование.

Реакция наблюдателей на резкий рост притязаний молодежи в конце 1980-х и в 1990-е гг. [8; 12], как правило, тяготеет к алармистским тезисам двух типов. Во-первых: «Бедные дети! Какое их ждет разочарование!» Конечно, риск разочарований и фрустраций — неизбежная плата за высокие притязания, но не менее очевидно и другое: пока у людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений. Мы полагаем, что сегодня как раз *недостаточная* амбициозность является серьезным тормозом индивидуального и общественного развития.

Во-вторых: «Побеждает аморализм!» Довольно широко распространено убеждение, что молодые люди, достигающие успеха в реализации собственных притязаний, делают это «не теми» средствами, часто пренебрегая нормами морали. Много лет назад, в 30-е гг. прошлого века, похожую проблему применительно к тогдашнему американскому обществу описал социолог Роберт Мертон. В статье «Социальная структура и аномия» он обратил внимание на различную степень нормативно-идеологической «проработанности» в американской культуре целей и средств, касающихся богатства и финансового успеха. Соответствующие цели очень высоко одобряются, задавая идеал для представителей всех классов общества. В отношении же средств в культуре нет столь четких представлений о том, «что такое хорошо» и «что такое плохо» (это состояние называют аномией), либо они есть, но не соответствуют реальным возможностям низкостатусных социальных групп и толкают их представителей к девиантным, аморальным способам достижения богатства. Мертон писал: «Крайне сильный акцент в нашем обществе на богатстве как символе успеха мешает эффективному контролю за тем, достигается ли богатство институционально одобряемыми способами. Обман, коррупция, порок, преступление — короче, весь список запрещенных форм поведения становится чем-то обыденным в тех случаях, когда акцент на *культурно предписанной* цели успеха не координируется с соответствующей институциональной системой» [15. Р. 675—676].

Эти наблюдения Мертона применимы и к сегодняшнему российскому или украинскому обществу. В то же время в подобной критике молодежи тоже стоит проявлять осторожность: многие практики, которые старшим поколениям кажутся аморальными, на самом деле являются нормативными инновациями и не подрывают фундаментальные нормы человеческих взаимоотношений. Такова, например, распространенная сегодня практика сожительства, которая позволяет молодым людям откладывать вступление в брак до завершения учебы и старта профессиональной карьеры.

В рамках этой статьи мы хотели бы остановиться на другом и привлечь внимание читателей к таким изменениям в способах достижения молодежи своих целей, которые явно относятся к числу конструктивных и социально одобряемых, но (возможно, в силу критического уклона наших социальных наук) обычно остаются незамеченными.

Для оценки способов, которые выбирают для реализации своих притязаний выпускники школ, в серии наших исследований (подробнее о них см.: [6; 8; 12]) были выбраны показатели, характеризующие две категории ресурсов: ожидания молодых людей, касающиеся помощи со стороны окружающих (1), и готовность молодых людей тратить собственные силы, преодолевать трудности и лишения для достижения поставленных целей (2).

Чтобы оценить *готовность* молодых людей *к самостоятельным усилиям*, им была предложена серия вопросов о том, согласятся ли они ради осуществления своих жизненных планов терпеть лишения и преодолевать трудности: разлучаться с семьей; выполнять физически тяжелую, или вредную, или монотонную работу; трудиться в условиях сурового климата; жертвовать своим свободным временем; выполнять работу, связанную с опасностью для жизни; усердно учиться в «трудном» институте; переучиваться и осваивать новую профессию и т. п. С каждым из перечисленных действий можно было согласиться или не согласиться, для чего предлагалось три варианта ответов: «скорее нет» (несогласие на трудности и жертвы, оцениваемое баллом «1»), «трудно сказать» (полусогласие-полунесогласие, оцениваемое баллом «2») и «скорее да» (согласие, оцениваемое баллом «3»).

Чтобы оценить *ожидания* учащихся, *касающиеся помощи в реализации притязаний*, их после вопросов о соответствующих притязаниях спрашивали: «В какой мере при осуществлении этих планов (уточнялось каких) вы можете рассчитывать на помощь родителей, родственников, друзей и знакомых?» Во всех случаях респондентам предлагались следующие варианты ответов: «на помощь не рассчитываю» (1 балл), «рассчитываю на некоторую помощь» (2 балла), «рассчитываю на значительную помощь» (3 балла).

Ресурсные стратегии молодых людей в течение 20 лет наших наблюдений подверглись заметным изменениям, и эти изменения были двух типов. Во-первых, менялись *суммарные* («валовые») объемы готовности к собственным жертвам и усилиям и суммарные объемы ожиданий помощи, а во-вторых, произошли *структурные* перемены: одни виды готовности к усилиям и жертвам усилились за счет ослабления других, и точно так же одни виды помощи стали более, а другие, наоборот, менее предпочтительными.

Расскажем здесь о наиболее важном структурном сдвиге в ресурсных стратегиях молодежи, который устойчиво наблюдается на протяжении последних 15 лет. (Об изменениях объемных — «валовых» — характеристик ресурсных стратегий молодежи можно прочесть в нашей статье [8].)

При анализе *готовности молодых людей самостоятельно преодолевать трудности* выяснилось, что в их сознании противостоят две группы диспозиций. Одна из них — это готовность человека использовать свои физические ресурсы (выполнять физически тяжелую работу, работать в условиях сурового климата), вплоть до их невозможного растрачивания (готовность работать в условиях, вредных для здоровья), а другая — готовность преодолевать трудности более высокого уровня (их можно условно назвать *информационными*): усердно учиться в трудном вузе; переучиваться и осваивать новую профессию; откладывать заключение брака до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень образования, материального и социального положения; выполнять работу с повышенной ответственностью. Примечательно, что готовность преодолевать физические трудности сопровождается не только нежеланием преодолевать трудности информационные, но и общим пренебрежением к информационным ценностям и ресурсам, человек при этом соглашается также на выполнение однообразной работы, а также работы ниже уровня его способностей и умений.

Различие этих двух видов трудностей еще и в том, что в результате преодоления первых человек достигает своих непосредственных целей, например, обеспечивает себе заработок, но обычно не развивает и не совершенствует себя (скорее, наоборот, разрушает себя, работая, например, в условиях, вредных для здоровья), во втором же случае индивид приобретает новые знания и способности, которые развивают его и становятся его человеческим капиталом, в *долговременной перспективе* приносящим своему носителю более высокий заработок.

Исходя из этого противостояния был построен индекс, в котором диспозиции к преодолению трудностей учения и ответственности учитываются с положительными знаками, а показатели готовности преодолевать физические лишения и жертвовать информационными ценностями — с отрицательными.

Как показывают сравнения, на протяжении всего времени наблюдений во всех городах, включенных в выборку, этот индекс устойчиво растет. Иными словами, каждое следующее поколение молодежи все в меньшей мере хотело бы тратить свои силы на преодоление физических и эмоциональных лишений и все в большей степени хотело бы тратить силы на приобретение новых ресурсов — «человеческого капитала» и на его активное использование в своей профессиональной деятельности.

Похожая картина открылась и при знакомстве со стратегиями молодых людей в *использовании чужих ресурсов*. Здесь тоже оказалось, что в сознании молодых людей противостоят два вида ожидаемой помощи — одни респонденты рассчитывают на то, что родители обеспечат их непосредственными (конечными) благами (жилье, дача, возможность ездить за границу или жить там), а другие вместо этого рассчитывают на помощь родителей в приобретении универсальных ресурсов (образование, хорошая работа, связи и хорошая репутация), которые в последующем помогут им самостоятельно приобретать различные блага. Фактически, молодежь решает для себя вариант знаменитой дилеммы: попросить ли в подарок рыбу, или же попросить удочку, которой тебя к тому же научат пользоваться.

С учетом этой оппозиции двух видов помощи был сконструирован индекс «ожидание помощи в приобретении ресурсов (+) VS ожидание помощи в приобретении конечных благ (—)». В нем суммированы ответы респондентов о 6 видах ожидаемой помощи, причем три из них (относящиеся к образованию, работе и репутации) включены в индекс со знаком плюс, а три других (относящиеся к жилью, даче и загранице) — со знаком минус.

Оказалось, что индекс ожиданий помощи ведет себя так же, как и индекс трудностей: на протяжении всего периода наблюдений этот индекс устойчиво растет. Это указывает на то, что каждое последующее поколение молодежи все в меньшей мере хотело бы использовать ресурсы родителей и других «помогающих фигур» для быстрого приобретения конечных благ и все в большей степени хотело бы вкладывать их в свое образование, в устройство на хорошую работу и формирование хорошей репутации, т. е. в те универсальные ресурсы, которые в долгосрочной перспективе позволят человеку самому приобрести желаемые конечные блага (причем в большем объеме и на более устойчивой основе, чем это могут обеспечить в настоящий момент родители). Итак, и свои, и чужие ресурсы молодежь все в большей степени стремится направить *на долгосрочные цели*, а именно: на продолжение образования и приобретение на этой основе квалифицированной, достойно вознаграждаемой работы и высокой репутации. (В Москве, равно как и в Киеве, рост обоих «ресурсных» индексов в 1995 и последующие годы в сравнении с началом 1990-х гг. статистически значим. В Мценске с 1995 по 2001 г. оба индекса также продемон-

стрировали статистически значимый рост, в Орле статистически значимым оказалось повышение индекса готовности к собственным жертвам и усилиям.)

В основе этих изменений лежит изменение отношения выпускников школ к продолжению образования — то, что можно было бы назвать *прообразовательным сдвигом* в жизненных стратегиях молодежи.

Известно, что в советскую эпоху сам по себе квалифицированный труд, как правило, не обеспечивал работнику высокого уровня благосостояния, наоборот, квалифицированная часть средних слоев оказывалась «в наиболее невыгодных условиях» [11. С. 210]. Поэтому *ухудшение* условий и содержания труда было наиболее распространенным легальным способом заметного повышения дохода. Но в ходе социально-культурных и социально-экономических трансформаций, стартовавших в конце 1980-х гг., ситуация начала меняться, и общество, отказавшись от существовавших ранее «потолков» заработка и дохода, все в большей степени стало вознаграждать востребованные рынком виды квалифицированного профессионального труда. (Речь идет прежде всего о пользовавшихся большим спросом профессиях и занятиях, таких как юрист, экономист, компьютерный специалист, менеджер, бизнесмен и др. Это как раз те профессии, которые в 1990-е гг. вошли в число наиболее привлекательных для наших респондентов и для других групп молодежи [1; 4; 5].) Таким образом, у молодых людей появилась возможность связать перспективу реализации своих очень высоких притязаний уже не с жертвами «экстенсивного» характера, типичными для советского времени, а с жертвами и усилиями, направленными на приобретение высшего образования (которое, в свою очередь, улучшало их положение на рынке труда). В это же — образовательное — русло юноши и девушки хотели бы направить и помощь, предоставляемую их родителями. (Правда, обучение в системе высшего профессионального образования сегодня очень часто не связано с той профессией, по которой молодой человек идет впоследствии работать. Поэтому ориентация молодежи на получение высшего образования — это в значительной степени желание получить *общее* высшее образование с последующей специализацией в ходе обучения на рабочем месте, или в специализированных образовательных учреждениях, или в процессе получения второго высшего образования [7]).

В 1996 г. автор данной статьи высказывал приведенные выше соображения о том, что в постсоветских России и Украине стала сильнее вознаграждаться квалификация, только в качестве *гипотезы*, которая должна была объяснить рост готовности молодых людей преодолевать трудности, связанные с получением высшего образования и последующим выполнением ответственной работы: естественно было предположить, что эта готовность повышалась, поскольку люди ожидали, рассчитывали, что квалификация будет действительно вознаграждена [6].

В то время в научной литературе и публицистике преобладало мнение о снижающемся интересе молодежи к образованию и об отсутствии спроса на квалификацию, о ее «ненужности» (что вполне вписывалось в доминирующий в российских социальных науках лейтмотив о разрушающем влиянии перемен, капитализма и западных влияний на все и вся). Но несколькими годами позже появились, к счастью, серьезные *эмпирические доказательства* того, что образование действительно вознаграждается. Д. Нестерова и К. Сабирьянова [16] показали, что в России и в других постсоциалистических странах «отдача» на образование в виде прироста заработной платы на каждый дополнительный год обучения действительно заметно выросла в первой половине 90-х гг. по сравнению с временами социализма. Впоследствии К. Сабирьянова [17] показала также, что в России «отдача» на образование вообще и на высшее образование в частности устойчиво росла на протяжении всего периода 90-х гг. и приблизилась к показателям, характерным для экономически развитых стран. На Украине отдача на образование тоже росла, но медленнее, чем в России [14]. И наконец, в недавней работе К. Поп-Элчес, В. Гимпельсон и Э. Теслюк [10] продемонстрировали, что рост «премии на образование» продолжается и в 2000-х гг.

Кроме того, стал очевиден бум высшего образования, в итоге которого число студентов в России с 1990 по 2002 г. увеличилось вдвое — с примерно 3 до 6 млн человек (см. анализ этих явлений в работах [9] и [3]).

Говоря языком социогеографии, в Советском Союзе наиболее демократичным и лишенным моральных издержек способом заработать деньги была напряженная работа «на Севере» или «на Востоке», т. е. в неблагоприятных природных условиях. Кроме того, для части молодых людей «Север» и «Восток» страны приобретали и романтическую окраску, представлялись тем пространством, где молодой человек мог испытать себя. Характерно название известного очерка С. Соловейчика, опубликованного в 1965 г. в «Комсомольской правде» и посвященного молодым людям, ищущим такое место, где каждый из них мог бы почувствовать себя «человеком, элементарным человеком», — очерк назывался «Посевернее, повосточнее» [13]. Сегодня же мечты о благосостоянии связываются в сознании молодежи прежде всего с «Западом», который ассоциируется у нее как раз с наиболее благоприятными социально-экономическими и природными условиями, а также с достойными условиями труда для квалифицированных специалистов (в России и на Украине центрами притяжения для молодежи сегодня стали Москва и Киев, которые и социально, и географически ближе к Западу, нежели к Северу или Востоку [2]).

Часть молодых людей не возражала бы учиться и работать на Западе, переехав туда насовсем или на время. Но не менее сильно желание у себя на родине работать «как на Западе», где «западные», «капиталистические», «цивилизованные» условия труда предлагают уже не толь-

ко иностранные, но и многие отечественные компании, достойно вознаграждающие квалификацию и ответственность своего персонала (70 % российских респондентов, отвечавших на вопросы нашей анкеты в 2001 г., хотели бы поехать за границу на временную работу, 42 % — учиться, 53 % — на постоянное место жительства, если будет работа по специальности, 19 % — уехать в любом случае. В Киеве соответствующие цифры были несколько выше: 72, 57, 58 и 29 %).

Существенно, что, думая, как распорядиться помощью родителей, молодые люди хотят направить ее не только на образование, но и на другие универсальные ресурсы — хорошую работу и хорошую репутацию. Объяснение этого факта то же, что и в случае с образованием: все эти ресурсы начали давать отдачу, приносить своим носителям вполне осязаемое материальное вознаграждение, несопоставимое по величине с получаемым в советское время.

С другой стороны, понятно, почему молодежь считает нецелесообразным направлять родительскую помощь на приобретение непосредственно приносящих удовлетворение потребительских благ. Раз новый общественно-экономический строй оказался более меритократичным, то естественно, что стали менее вознаграждаться различные характеристики, которые не являются прямыми показателями продуктивности, прежде всего стаж и тесно связанный с ним возраст. (В уже упоминавшейся публикации Д. Нестерова и К. Сабирьянова приведены факты, указывающие на снижение в процессе социально-экономических преобразований 90-х гг. «отдачи» в виде прироста заработка на общий трудовой стаж [16].) Поэтому возможности родителей напрямую помочь в приобретении жилья и других потребительских благ снизились. Логическим выводом из этого и стало перенаправление предпочитаемых «потоков» родительской помощи на образование детей, помощь в нахождении ими хорошей работы и формировании высокой репутации. Немаловажным фактором, подталкивающим к подобному перераспределению, стало и то, что для оказания подобной помощи родители могут использовать не только и даже не столько дефицитные для них материальные и финансовые ресурсы, сколько свой человеческий, моральный и социальный капитал.

Литература

1. Дубин, Б. В. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений / Б. В. Дубин // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1995. — № 1. — С. 14—18.
2. Зайончковская, Ж. А. Миграция / Ж. А. Зайончковская, Н. В. Мкртчян // Население России. 2001: 9-й ежегод. демограф. докл. / под ред. А. Г. Вишневого. — М., 2002.
3. Капелюшников, Р. И. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности / Р. И. Капелюшников // Вестн. общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2005. — № 4.

4. Когда наступает время выбора : (Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений) / отв. ред. Г. А. Чередниченко. — М. : ИС РАН ; СПб. : РХГИ, 2001.

5. *Константиновский, Д. Л.* Динамика привлекательности профессий и социальные изменения / Д. Л. Константиновский // Профессиональное самоопределение выпускников общеобразовательных школ / под ред. В. Н. Шубкина, Д. Л. Константиновского. — М., 1996.

6. *Магун, В. С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. / В. С. Магун // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под ред. Т. И. Заславской. — М., 1996.

7. *Магун, В. С.* Об оценке российского высшего образования и его перспектив : докл. на семинаре по проблемам российского высшего образования [Электронный ресурс] / В. С. Магун. — СПб., 1999. — Режим доступа: <http://www.ecsoman.edu.ru/db/msg/206066.html>

8. *Магун, В. С.* Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985—2001 гг. / В. С. Магун, М. В. Энгватов // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России / под ред. Т. Шанина, Ю. Левады. — М., 2005.

9. *Полетаев, А. В.* Высшая школа и рынок: спрос на образование в современной России / А. Полетаев, И. М. Савельева // Неприкосновенный запас. — 2001/2002. — № 5.

10. *Поп-Элечес, К.* Бедность и рынок труда : докл. для Всемирного банка / К. Поп-Элечес, В. Гимпельсон, Э. Теслюк. — М., 2005.

11. *Радаев, В. В.* Социальная стратификация / В. В. Радаев, О. И. Шкаратан. — М. : Наука, 1995.

12. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985—1995 гг. / под ред. В. С. Магуна. — М. : Ин-т социологии РАН, 1998.

13. *Соловейчик, С.* Посевернее, повосточнее / С. Соловейчик // Алый парус / сост. И. Зюзюкин, С. Соловейчик. — М., 1966.

14. *Gorodnichenko, Yu.* Returns to Schooling in Russia and Ukraine: A Semiparametric Approach to Cross-Country Comparative Analysis / Yu. Gorodnichenko, K. Sabirianova Peter // IZA Discussion Papers. — 2004. — № 1325, Sept.

15. *Merton, R. K.* Social Structure and Anomie / R. K. Merton // American Sociological Review. — 1938. — Vol. 3, № 5, Oct.

16. *Nesterova, D.* Investment in human capital under economic transformation in Russia / D. Nesterova, K. Sabirianova Peter // EERC Working paper series. — 1999. — № 99/04.

17. *Sabirianova Peter, K.* Skill-Biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change / K. Sabirianova Peter // IZA Discussion Papers. — 2003. — № 893, Okt.

*Ошибка становится ошибкой,
когда рождается как истина.*

Станислав Ежи Лец

*Некоторые люди, даже когда смотрят
во все глаза, видят, как в глазок
тюремной камеры.*

Станислав Ежи Лец